

Глава 110

Где же Господин Сукуна?

Урауме был потрясён. Урауме кипел от ярости.

И потому явился к Кэндзяку с требованием объяснений:

— Ты же говорил, что уже устроил Господину Сукуне воплощение в теле Итадори Юдзи! Где же Господин Сукуна?!

Кэндзяку взирал на разъярённого Урауме с видом не менее растерянным.

Он потратил столько сил — натравил двух проклятий особого ранга на подростка мастера Техники десяти теней, и всё исключительно ради того, чтобы создать подходящий момент для поглощения Итадори Юдзи пальца Рёмэна Сукуны.

Нужно было признать: не получив тело Гэто Сугуру с его Техникой манипуляции проклятиями, Кэндзяку вынужден был довольствоваться нынешним. Его техника тоже позволяла подчинять проклятых духов — однако с жёстким ограничением: не более семи одновременно.

Даже отбирая исключительно проклятий особого ранга, потолок в семь слотов всё равно бил по рукам. Два — зарезервированы для Махито и Кэлина, подлинных стихийных бедствий. Ещё один — для Тэнгэна, чья эволюция в сторону проклятого духа зашла достаточно далеко после провала слияния с Сосудом звёздной силы. Итого — четыре свободных слота.

Именно столько подчинённых проклятий особого ранга у него и было. Двоих из них он намеренно пожертвовал — пешки, брошенные в огонь ради того, чтобы Итадори Юдзи проглотил палец Рёмэна Сукуны.

Для верности Кэндзяку лично наблюдал за развитием событий вблизи и своими глазами видел, как Юдзи проглотил палец и как Рёмэн Сукуна явился в его теле. Как такое вообще могло провалиться?

Но глядя на Урауме — преданнейшего из почитателей Сукуны — Кэндзяку поневоле засомневался. Неужели с Рёмэном Сукуной и вправду что-то пошло не так?

Да, тело, которое он специально подготовил для воплощения, должно было обеспечить определённое сдерживающее давление. Но полностью подавить Сукуну, не оставив тому ни единого шанса, — это было бы чересчур. В конце концов, Итадори Юдзи — не Шестиглазый. До того, чтобы окончательно обуздать Короля проклятий, ему было далеко.

— Расскажи подробно, что случилось, — сдержанно произнёс Кэндзяку. — Я совершенно уверен, что своими глазами видел, как Юдзи проглотил палец. Скорее всего, после что-то пошло не по плану. Объясни — и я скорректирую схему. Воскрешение Рёмэна Сукуны входит и в мои расчёты: чтобы разобраться с Шестью глазами, мне нужен именно Король проклятий. В этом наши интересы полностью совпадают.

Урауме ответил мрачно, с каменным лицом:

— Я долго дежурил снаружи Токийского магического колледжа. Каждый раз, когда Итадори Юдзи выходил за ворота, я следил за ним. И ни разу — ни единого раза — не почувствовал на нём ни ауры, ни проклятых знаков Господина Сукуны.

Лицо Кэндзяку потемнело.

По его расчётам, воля Итадори Юдзи действительно должна была временно подавлять Сукуну — удерживать того в дремоте, не позволяя захватить тело. Но даже если сознание Сукуны спит, его воплощение обязано оставлять след: проклятые знаки на лице Юдзи, неотъемлемую печать, которую невозможно стереть.

Но Урауме сказал: знаков нет.

Это значит... воплощение Сукуны в Итадори Юдзи провалилось?

Нет. Он сам видел всё своими глазами. Сукуна явился. Двух пожертвованных проклятых духов особого ранга убил именно он. Здесь не могло быть ошибки.

Тогда оставалась лишь одна возможность: после воплощения душу Сукуны уничтожили — и сделали это так, что сам Итадори Юдзи не пострадал.

Что именно Шестиглазый применил?

Кэндзяку помолчал, затем произнёс:

— Займусь разведкой. Жди.

Для расследования он обратился к осведомителям в Главном совете магов. Но едва попытался выйти на связь — с неприятным изумлением обнаружил, что большинство из них уничтожено. Годжо Хара и Гэто Сугуру прошлись по рядам его агентов, как коса по пшенице.

Слишком долго он скрывался — затаился, не оставлял следов, лишь бы не попасть в поле зрения Годжо Хары. Всё ради тысячелетнего замысла. Он так осторожно избегал любых контактов с Главным советом и магическими сетями, что пропустил момент разгрома своей

агентурной сети.

Оставшиеся осведомители оказались людьми незначительными — сугубо периферийными фигурами в совете. Когда-то он завербовал их как почтальонов: принести весточку, передать сообщение. Никаких серьёзных сведений от них он никогда и не ждал.

Теперь это были единственные его глаза и уши.

Впрочем, именно потому, что они были никем, Годжо Хара и Гэто Сугуру не удостоили их вниманием — и те уцелели.

Стиснув зубы, Кэндзяку воспользовался этими никчёмными агентами.

Ничего ценного они принести не могли — но хотя бы могли сообщить, собирал ли Главный совет крупные заседания в последнее время.

Появление контейнера Рёмэна Сукуны — событие, достойное экстренного совещания на высшем уровне.

Но его не было.

Донесения гласили: Главный совет практически не собирался. Нынешний глава совета, Господин Годжо Хара, заседаний не жаловал — и не созвал ни одного, даже рядового.

Вывод напрашивался сам собой: Годжо Хара намеренно скрыл от Главного совета, что Итадори Юдзи является контейнером Рёмэна Сукуны.

Тогда Кэндзяку тихо организовал донос. Вопрос был лишь в том, кому доносить.

Главный совет давно превратился в единоличную вотчину Годжо Хары. Консервативное крыло разгромлено: одних уличили в преступлениях и приговорили к казни, других — к заключению. Все до единого оказались виновны, все до единого лишились постов.

Взгляд Кэндзяку остановился на одном имени — Гакуганзи Ёсинобу.

Директор Киотского магического колледжа и представитель консерваторов. Консерватизм Гакуганзи был, однако, сугубо политическим, не криминальным: он не совершил ничего противозаконного, и Годжо Хара, даже питая к нему стойкую антипатию, не мог предъявить ему ни одного обвинения.

К тому же Гакуганзи умел приспосабливаться — знал, когда следует склонить голову, и делал

это без лишних терзаний. Незачем добивать противника, который не представляет угрозы.

Поэтому Годжо Хара оставил Гакуганзи в покое и закрыл глаза на то, что остатки консервативного крыла сплотились вокруг него.

Другого подходящего консерватора, ещё живого и в деле, Кэндзяку всё равно не нашёл бы.

Выбрав самого ненужного из своих осведомителей как расходный материал, он направил его к Гакуганзи — передать тайное сообщение: Итадори Юдзи является контейнером Рёмэна Сукуны.

Гакуганзи воспринял новость с недоверием — но не мог позволить себе её проигнорировать.

Если Годжо Хара и Годжо Сатору из личных соображений укрывали контейнер Короля проклятий в стенах Токийского магического колледжа — это угрожало всему миру магов.

Тысячелетний Король проклятий! Если Рёмэн Сукуна воплотится в полную силу — это станет катастрофой для каждого.

Однако идти к Годжо Харе с прямым обвинением Гакуганзи не решался: тот, кто захотел бы прикрывать Итадори Юдзи, никаким расспросам не поддавался бы, а шума наделал бы только больше.

В итоге Гакуганзи решил дождаться межшкольного соревнования между Токийским и Киотским магическими колледжами — и там, на месте, попытаться прощупать почву.

Кэндзяку больше не осмеливался следить за Главным советом, где орудовали Годжо Хара и Гэто Сугуру, — зато Киотский колледж был в его досягаемости. Каждый шаг Гакуганзи проходил перед его глазами.

Узнав о намерениях директора, Кэндзяку немного поразмыслил и понял: это шанс. Стоит на время отвлечь Годжо Сатору — и можно будет проникнуть на склад проклятых артефактов Токийского колледжа и выкрасть пальцы Сукуны.

А чёрная метка достанется Гакуганзи. Пальцы пропали — при чём здесь Кэндзяку?

План казался вполне осуществимым. Тем более что ему самому не нужно было выходить на передний план — если что-то пойдёт не так, следов не останется.

Кэндзяку изложил всё Урауме.

Никто не жаждал воскрешения Рёмэна Сукуны сильнее Урауме. Услышав, что есть возможность завладеть всеми пальцами из склада Токийского колледжа, тот загорелся немедленно — и даже превзошёл Кэндзяку в рвении. Уговаривать его долго не пришлось: Урауме сам вызвался взяться за дело.

В конце концов, история с Итадори Юдзи показала, что надёжность Кэндзяку вызывает сомнения. Ради воскрешения Господина Сукуны Урауме решил действовать сам.

По замыслу Кэндзяку, нужно было пустить один палец как приманку — незаметно пометить его так, чтобы в любой момент можно было отследить местоположение, а затем подбросить студентам Токийского колледжа для сбора.

Подобранный ими палец неизбежно окажется на складе проклятых артефактов — вместе с остальными.

Так они узнают точное расположение склада.

Во время межшкольного соревнования Гакуганзи создаст переполох на первом плане. Они войдут следом — как коршун за спиной сражающихся. Пока хаос поглощает внимание Годжо Сатору, Урауме проникнет на склад.

Весь Токийский колледж, кроме Сатору с его Шестью глазами, Урауме ни в грош не ставил.

Был ещё Тэнгэн — но Кэндзяку знал того лучше, чем кто-либо: вечный наблюдатель, принципиально не вмешивающийся. Он просто не станет препятствовать краже. Можно не принимать его в расчёт.

Урауме согласился: план стоящий, реализуемый.

Правда, расстаться с собственными пальцами Сукуны в качестве приманки Урауме был не готов и потребовал, чтобы Кэндзяку выделил один из своих.

Несмотря на скреплённый договором союз, доверяли друг другу они мало. Урауме прекрасно знал, что у Кэндзяку есть несколько пальцев — забрать их силой было невозможно. Но сейчас выпадал удобный случай вынудить того пожертвовать хотя бы одним. А когда Урауме проникнет на склад — этот палец тоже достанется ему, и возвращать его Кэндзяку он, разумеется, не собирался.

Кэндзяку поколебался для видимости — и согласился.

В конце концов, он и сам намеревался рано или поздно отдать Сукуне все пальцы. Без полного восстановления Король проклятий не одолеет Шесть глаз — а если не одолеет, зачем его воскрешать? Пальцы Кэндзяку придерживал намеренно — как морковку перед носом у Урауме,

чтобы тот охотнее выполнял поручения. Сейчас, ради того чтобы Урауме действовал по плану, стоило позволить ему вкусить сладкого. Один палец — не потеря.

Впрочем, судьба Итадори Юдзи не давала Кэндзяку покоя. И потому, когда пришло время выбросить приманку, он вышел на дело лично.

Он выбрал момент, когда Фусигуро Мэгуми и Итадори Юдзи выбрались на полевую практику — охоту на проклятых духов — и незаметно подбросил один из своих пальцев целевому проклятому, которого те должны были уничтожить.

Проклятый дух был лишь полупервого ранга — но, поглотив палец Рёмэна Сукуны, мгновенно вырос до особого.

Правда, это был особый ранг из низших — едва перешагнувший порог. Для Фусигуро Мэгуми, уже подчинившего девять видов шикигами, подобное угрозы не представляло.

У Мэгуми даже осталось достаточно сил, чтобы позволить Юдзи поупражняться против этого проклятого, самому же страховать его со стороны. Итадори Юдзи сражался — и в бою заметно рос. Когда Мэгуми решил, что на сегодня хватит, он направил шикигами покончить с противником, а сам вытащил Юдзи из передраги и позволил Мадоке применить обратную проклятую технику — подлатать того как следует.

Когда шикигами разорвали проклятого дух на части, среди обломков остался лишь один палец Рёмэна Сукуны — принесённый обратно в зубах у шикигами.

Мэгуми поднял его и нахмурился:

— Вот, значит, в чём дело. В донесении числился полупервого ранга, а обернулся особым. Я грешил на очередную ошибку «Окна» или думал, что кто-то в Главном совете намеренно занизил данные, чтобы нас убить... А оно вот что: проклятый поглотил этот проклятый объект особого ранга и скачком дорос до особого ранга.

Подлеченный Мадокой Итадори Юдзи с любопытством заглянул через плечо Мэгуми — хотел рассмотреть палец Рёмэна Сукуны. Один палец он уже проглотил прежде, но рассматривать его вот так, внимательно, ещё не приходилось: в тот раз всё было слишком срочно, не до разглядывания — зажмурился и проглотил целиком.

Теперь же разглядел во всех подробностях — тёмный, как вяленое мясо, тысячетный палец.

Юдзи опешил:

— Выглядит совершенно несъедобно. Как я вообще тогда смог это проглотить?

Сочувствовать прошлому себе у него что-то не получалось.

Мэгуми с улыбкой вложил палец ему в руку:

— Вот и любуйся на здоровье — какой мерзкий этот тысячелетний сушёный артефакт. Может, хоть перестанешь совать в рот что попало.

Итадори Юдзи вертел палец так и эдак, бормоча себе под нос:

— Это вообще указательный или средний?

Мэгуми тоже был не уверен и неопределённо предположил:

— Возможно, безымянный?

Кэндзяку, наблюдавший за ними издалека, к этому моменту уже мрачнел на глазах.

По одному тому, как Итадори Юдзи спокойно держал палец Сукуны двумя руками — без тени реакции изнутри — было совершенно ясно: воплощение Рёмэна Сукуны в его теле и вправду не удалось.

Вернее, оно состоялось — но уже не существовало.

Иначе как Сукуна мог оставаться равнодушным к собственному пальцу, который лежал прямо в руке у Юдзи? Рот Сукуны мог открыться в любом месте на его теле — он бы уже давно незаметно втянул палец, восстановив ещё каплю прежней мощи.

Но — ничего. Никаких проклятых знаков на лице Юдзи. Всё чисто, словно ничего и не было.

Кэндзяку, видевший воплощение Сукуны своими глазами, прекрасно понимал, что это означает.

Какой же техникой Шестиглазый сумел вырвать Сукуну из тела Итадори Юдзи, не причинив самому Юдзи ни малейшего вреда?

Настроение у Кэндзяку было хуже некуда. Метод неизвестен — но раз это сделали однажды, сделают и снова. Итадори Юдзи как контейнер для Сукуны — отработанный материал.

И тут он вспомнил о том, чего стоило ему создание этого контейнера. Ради тысячелетнего замысла он вселился в тело Каори Итадори и лично выносил и родил Итадори Юдзи от Дзина Итадори.

Беременность. Роды. Кормление.

Каждый из этих этапов был незабываемым испытанием — и он вынес всё это, сжав зубы, исключительно ради замысла.

И теперь ему говорят, что контейнер вышел из строя? Что всё было зря? Что он рожал впустую?!

Не меняя выражения лица, Кэндзяку смотрел, как Фусигуро Мэгуми и Итадори Юдзи уходят обратно в Токийский колледж, унося с собой палец-приманку. Затем, с почерневшей душой, повернулся и направился к одной из подземных лабораторий — той, что некогда была тайно возведена силами Чёрной организации.

Лаборатория была надёжно укрыта, известна единицам. Именно поэтому, когда Чёрную организацию вырвали с корнем, она уцелела — Кэндзяку успевал замечать следы своевременно.

Он прошёл в один из отсеков.

В центре стояла огромная капсула с питательным раствором, и в ней, погружённый в прозрачную жидкость, с закрытыми глазами парил мужчина с розовыми волосами — лицом разительно напоминавший Итадори Юдзи, только черты чуть старше.

Кэндзяку долго смотрел на него.

Потом тихо вздохнул:

— Не думал, что дойдёт до тебя.

Это был Дзин Итадори — биологический отец Юдзи.

Тело Дзина тоже могло служить контейнером для воплощения Рёмэна Сукуны. Но Дзин не был намеренно создан под эту задачу — а значит, не обладал особой сдерживающей силой. Это делало воскрешённого Сукуну опасно неуправляемым.

Ибо Король проклятий без слабостей и без повода — кто мог гарантировать, что, разделавшись с Шестью глазами, он не обратится против самого тысячелетнего замысла?

Кэндзяку инстинктивно не доверял этой перспективе. Ему нужен был рычаг давления.

Но теперь Итадори Юдзи был под защитой Годжо Сатору, и трогать его не представлялось возможным. Специально созданный контейнер вышел из игры.

Хорошо ещё, что в своё время, затаив обиду на Дзина Итадори — ведь именно тот, в некотором смысле, вынудил его вынашивать ребёнка, чего Кэндзяку никак не мог простить при всей своей невозмутимости — он выманил Дзина, прежде чем покинуть тело Каори, и разделался с ним.

Однако, предусмотрительно рассудив, что тело может ещё пригодиться, Кэндзяку поддерживал его жизнеспособность — лишив лишь сознания, введя в состояние мозговой смерти.

Изначально он держал это тело как запасной вариант: понадобится — вселится сам через подмену сознания, не понадобится — пусть лежит про запас.

Не думал, что запас пойдёт в ход для Сукуны.

Немного поразмыслив, Кэндзяку принял решение.

Он извлёк тело Дзина Итадори из капсулы, пока жизнеспособность ещё не угасла, и вложил палец Рёмэна Сукуны в приоткрытые губы.

Вскоре на прежде чистом лице Дзина проступили проклятые знаки Короля проклятий. Под закрытыми глазами расщелилась ещё одна пара — и все четыре глаза распахнулись разом, полыхая безудержным гневом.

— ГОДЖО ХАРА!!!

Кэндзяку немедленно спросил:

— Сукуна, что именно Годжо Хара с тобой сделал? Как ты исчез из тела Итадори Юдзи?

Душам двадцати разрозненных частей Рёмэна Сукуны была доступна общая память. Когда этот палец обрёл воплощение в теле Дзина Итадори, его душа мгновенно обрела и воспоминания той части, что была запечатана Годжо Харой.

Холодный взгляд Сукуны скользнул по Кэндзяку. Увидев шрам от швов на темени незнакомца, он сразу опознал его — тот, с кем был заключён договор.

И вспомнил слова, которые Годжо Хара бросил ему прямо перед тем, как вырвать из тела Юдзи.

Вопрос Кэндзяку Сукуна проигнорировал. Вместо этого опустил взгляд и осмотрел своё новое тело.

Оно казалось правильным. Удобным. Почти таким же, как у Итадори Юдзи, — и главное: без прежнего хозяина. Никакого чужого сознания, которое давило бы на него, как давило сознание Юдзи.

Если это тело было таким подходящим — почему Кэндзяку раньше не использовал его?

Сукуна повернулся к блестящей поверхности стекла и посмотрел на своё отражение. Лицо — почти копия Итадори Юдзи. Разительное сходство.

— Кто этот человек?

Кэндзяку понял: внешность слишком очевидна, скрывать бессмысленно.

— Дзин Итадори. Отец Итадори Юдзи.

Сукуна смотрел на Кэндзяку с нехорошим прищуром:

— Тогда почему ты сразу не поместил меня в это тело? Зачем выбрал Итадори Юдзи?

<http://bllate.org/book/19549/2004389>